Где у нас пропасть для свободных людей?

Сосед — 1993 — № 3 — с. 10

Строитель «Et cetera»

Александр Калягин готовит нам сюрприз

Он вышел из машины, ссутулился, втянул голову в плечи — будто выстрела ждал — и смешался с толпой, коими направлялась в театр. Не так было, неправда! Или, говоря по-театральному: «Не верю!» Нет, вышел — вышел, ссутулился, втянул, но с толпой не смешался. И не потому, что знаменитый, а потому, что другой, не равный. Хватит говорить про равенство! Даже дураков двух одинаковых не бывает, а уж людей умных, талантливых — тем более. И я перед ним, конечно, робею, испытываю пиетет — что уж там! Потому что он уже стал частью культуры, и — если шире — частью нашей жизни, а я еще нет. Вот меня и интересуют, как это бывает, когда явление культуры становится явлением жизни — жизни исполнителя, зрителя, если хотите, страны. Поэтому я и думаю: буду спрашивать про роли, но не так: мол, что вложили, что хотели сказать? А про роли — но про жизнь. Понятно? Не понятно. Объясняю на примера.

— Александр Александрович, в вашем театре, во МХАТе имени Чехова, идет замечательный, по-моему, спектакль по пьесе В. Арро «Гранки и комедианты». Если взять эту систему измерений, что называется по жизни, вы кто: трагик или комедиант?

— Наверное, нужно ответить, что во мне есть и то и другое — да, есть. Важно, чего больше, что перевешивает. Взрослеешь, и жить становится все более грустно. В юности я резвился, был веселым, отчаянным, на каждый день записывал себе десяток дел. А сейчас печалюсь все чаще. Ужасно, что я так говорю, но это — правда. Однако трагедия начинается там, где нет надежды, а пока надежда есть — мы еще посмеемся. Так и живу: трагик и комедиант, в котором все это перемешано...

Потому, наверное, Калягин и замечательный комик, что печальный, потому и прекрасный трагический актер, что веселый. Но о чем вы, Александр Александрович, об «Эзопе»?

— В этом фильме ваш герой произносит фразу: «Где у вас здесь пропасть для свободных людей?» А где в нашей жизни пропасть для свободных людей?

— Это что, вы меня провоцируете на политические обобщения? Хуже нет, когда актер минут себя политиком и лезет на трибуну. Но раз уж вы спрашиваете — отвечу: мне кажется, эта пропасть в разобщенности. Люди перестали слушать друг друга, перестали заниматься тем, что я называю — «массаж души». Вы заметили: кухонные разговоры исчезли, хотя казались обязательной частью нашей жизни. Вместо них идет ворчание, бурчание, хамство... Недавно я смотрел по телевизору передачу «Человек недели», в ней журналист Андрей Черкизов говорит в адрес Хасбулатова — мол, тому «ссы в глаза — все божья роса». Как бы я ни относился к Хасбулатову — мне неприятна такая откровенная грубость. И тут же Черкизов начинает рассуждать о том, что, когда вводили цензуру на Северном Кавказе, его очень интересовали вопросы этики, потому что люди не должны оскорблять друг друга. Ненавижу эту двойную мораль. Мне кажется, если происходит в нашей стране трагедия, которой мы все, конечно, боимся, то только по той причине, что мы перестали друг друга слышать, перестали быть друг другу интересны. Вот здесь, по-моему, пропасть.

— Эзоп был человеком непреклонным, жил, никому не подчиняясь. А вы умеете угождать, подчиняться законам жизни людей, которые вас окружают?

— Умею, конечно, я ж — актер, у меня эта профессия в крови, в мышцах, в клетках. Сейчас с вами говорю абсолютно искренне, но при этом все-таки имею в виду, что это искренность, рассчитанная на тысячи человек, значит, уже хоть немного, но играю. В юности я был более конфликтным, более резким, а с возрастом понял, что в гибкости больше пользы. Заметьте, не в проституции, не в том, чтобы себя продавать, а именно — в гибкости.

— А что значит «конфликтный» Калягин? В чем это выражается?

— Хотя бы в моих постоянных конфликтах с главными режиссерами. С самого начала так пошло. Пришел на Таганку... Казалось бы, 24 года, попал в популярный театр, где тебя любят, где на тебя возлагают определенные надежды. Нет, стал конфликтовать с главным, стал писать Любимову письма — разумеется, речь идет именно о творческих конфликтах. Пришел в Театр имени Ермоловой. Понял через некоторое время, что, работая там, могу себя потерять, не стать тем, кем стать мечталось. Снова письма. Пришел к Ефремову. Он один из моих учителей, нас с ним связывают родные и больные отношения. И снова пишу письма главному режиссеру — теперь Олегу Ефремову. Я вообще люблю писать письма главным режиссерам, мне кажется, это лучше и, главное, полезнее, чем беседовать с ними один на один. Главные режиссеры — они ведь всегда такие обязательные, у них определенный имидж, они — история театра. И вот приходишь к этой обязательной «истории театра», и тебя могут так завернуть, пустить по таким рельсам — забудешь, зачем пришел и что сказать хотел. Это не значит, что все, написанное мной в этих письмах, правильно, но они помогают мне остаться самим собой, сохранить внутреннюю свободу. Мне кажется, именно благодаря этому самосохранению я очень много сумел сделать, кое-что, конечно, потерял, но и сделал многое.

Не хочу тратить себя и на всякого рода мелькания, публичности не люблю. Я вообще заметил, что когда собирается наш брат актер большой компанией, то чаще всего — не всегда, но чаще всего — увы, господствует фальшь. И не потому, что мы такие уродские и противные, нет, конечно, просто в силу профессии, в силу того, что актеры очень тщеславны, ранимы, самолюбивы, беззащитны... Все-таки я предпочитаю быть наедине с семьей, наедине с самим собой.

Если вести речь о ролях, которые стали частью нашей жизни, то как же сказать о Платонове из «Механического пианино»? Эй, ровесники, когда наши дети спросят про фильм нашей юности, кто из нас поладбудет упоминать «Неоконченную пьесу для механического пианино»? Не нижу подмятых рук. Правильно. Никто не позовет.

— Скажите, Александр Александрович, а вот вы сами хотели бы дружить с таким человеком, как Платонов?

— Нет, Платонов — тяжелый человек, холодный, раненый. В нем умерло почти все, к сожалению. Произошел лишь всплеск благодаря встрече с Сосьей... Это знаете как: человек спал, спал, потом вдруг проснулся в поту, спросил себя: «Где мы? Что мы? Зачем я живу? Что я сделал за эти годы?» — и снова захрапел.

Потому-то это и фильм нашей «застойной юности», что мы смотрели на Платонова и думали: неужели нам тоже судьбой уготовано проспать всю жизнь, потом броситься с какого-нибудь обрыва на мель и зарыдать?.. Чеховский-интеллигентский-калягинский Платонов был героем нашего времени. Воплотить героя времени не каждому артисту удается...

— А Платонов на вас похож? Или вы на Платонова?..

— В каких-то проявлениях — да, в отношениях с друзьями, в рефлексии своей: наорать, накричать, потом засмеяться и тут же начать шутить. Но в общем — нет. Во мне эта струна все время дрожит. Я не сумасшедший, я не задаю себя каждое утро вопрос: «Зачем ты живешь?», но цель всегда ощущаю.

Для чего в разговоре с артистом придумывать всякие «хобы»? Спрашивай про роли — он расскажет про себя. Но есть еще одна роль, о которой говорить вроде неловко, но тем более необходимо. Ленин.

— В свое время меня спектакль «Так победим!» поразил, как и всех, наверное. Но и тогда, а теперь особенно, меня волновал вопрос: Ленин экстерминировал или все же был искренен? Вы ведь изучали его, как не каждый историк изучает, что вы по этому поводу думаете?

— Если кто-то говорит: «Мне стыдно за эту работу...» — не понимаю. Что я теперь должен вырвать эту страницу из своей биографии? И куда деть, куда выбросить? В самом начале работы я прочитал книгу Александра Солженицына «Ленин в Цюрихе» и понял, что по-актерски мне этот человек интересен, мне хочется его сыграть, я влюбляюсь в него. А что вы хотите? Шутку о том, что актер — прокурор своей роли, — не понимаю. Актер должен быть в роль влюблен, даже если, извините, дьявола играешь — должен в дьявола влюбиться. Я говорю об этом совершенно спокойно, потому что никогда не был в партии, меня никогда не звали в партию, я никогда не красился в красный цвет и на перекрашивался. Мне был интересен этот человеческий характер — раб своей идеи, экстремист, политик, который перед смертью понял, что совершил множество ошибок и у него катастрофически нет времени их исправить. Разве это не трагедия? Искренен ли он был? Думаю, да.

И тут я подумал некстати — а может, кстати — нельзя предавать себя ни настоящего, ни прошлого. Ну да хватит об этом — пора переходить к заготовленной напоследок сенсации, впрочем, подозреваю, что Александру Александровичу понравилось бы больше какое-нибудь другое слово — скажем, сюрприз. Хотя разве не сенсация — пишу крупными буквами — АЛЕКСАНДР КАЛЯГИН СОЗДАЛ СВОЙ ТЕАТР «Et cetera», что в переводе, как известно, значит: и так далее, и прочее, и тому подобное...

— Александр Александрович, можно я вас попросту спрошу: чего это вдруг — театр?

— Во мне нет амбиций режиссера, нет страсти открывать какие-то новые театральные идеи. Наш театр возник естественным, неистеричным путем, признаюсь — хотя, может, это и не хорошо, — что я не бредил по ночам, не вынашивал творческую программу. Все было проще. У меня был замечательный курс во МХАТе — очень талантливые ребята, когда учеба закончилась, нам, естественно, не захотелось расставаться. Я пошел в управление культуры с идеей создания своего театра — пошел, особо ни на что не надеясь, как говорят, «на авось». Начальник московской культуры Бугаев стал мне говорить: «Вот у «Современника» такая дотация, у «Ленкома» — такая дотация, а тут вы еще». В общем, как я и ожидал, не захотели мне помочь. Часть моих студентов разошлись по разным театрам, но кто-то остался, и они попросили меня помочь им, что называется, своей фамилией. Я пошел в один кабинет, в другой и постепенно включился. Хотя, как вы понимаете, хождения по инстанциям — не мое хобби... Потом появился спонсор из Казахстана, потом он отпал, потому что невозможно из Казахстана деньги в Россию пересылать. Спонсор отпал — но печать-то театра уже есть, и нас уже зарегистрировали — не бросать же? Так постепенно, постепенно, и вот уже в феврале на сцене Театра Пушкина играем первую премьеру: «Дядя Ваня» Чехова, ставит мой учитель Александр Сабинин, играют: В. Симонов, В. Ланской, Т. Лемникова, А. Грачев, А. Кузнецов...

Я не хочу говорить вам каких-то умных и красивых слов про программу нашего театра. Просто я подумал, почему бы не предоставить себе, людям, которых любишь и которым веришь, возможность сыграть то, что они хотят, поставить то, о чем мечтаешь. Наверное, поставив один спектакль, другой и окончательно сформировав труппу, мы выйдем на какую-то свою орбиту — постепенно и несуетно. Пока же могу сказать одно: мы собрались по любви, и мы никогда не изменим своему главному принципу — принципу репертуарного театра, даже если будем играть канкан или кабаре. Со временем сам буду ставить и играть в своем театре. Но пока шло становление, я должен был ходить по спонсорам, пушить себя перед ними, иначе наш театр просто не мог бы родиться...

— Мне кажется, все идет к тому, что вы назовете спонсоров?

— Знаете, еду на своем «жигуленке», вокруг меня такие «караваллы» мчатся — думаю: «В каком непростом мире я живу». Однако если именно в нашем мире, именно сегодня находятся люди, организации, готовые помогать искусству театра, — разве не заслуживают они искренних слов благодарности? И я благодарен «СибАстроВАЗУ», фирме «МАКС», рекламному агентству «Телебанк», акционерному обществу «ТОР», Мосбизнесбанку — без их помощи наш театр состояться бы не мог.

— Ваше пожелание вашему театру «Et cetera»?

— Выжить. Для меня это очень веское и емкое слово: выжить.

Выживем, Александр Александрович, куда денемся? Если в наше время театр создается — да не мальчиком, мечтающим о славе, но Мастером, — все не так плохо. Выживем, отдельный вы наш человек.

Андрей МАКСИМОВ.

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА.